

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРОФЕССИЯ. КАДРЫ. ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 02:37

DOI: 10.33186/1027-3689-2020-12-15-44

А. В. Соколов, А. С. Тургаев

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия*

Библиологос и библиотечно-информационное образование

Аннотация: В Указе Президента В. В. Путина от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» названы две национальные цели, имеющие непосредственное отношение к книжно-библиотечному делу: воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности и цифровая трансформация ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Российский Библиологос (книжный разум) коллективно создавался в течение тысячелетий. Познание сущности Библиологоса – приоритетная задача книжно-библиотечной науки и библиотечно-информационного образования в наши дни. В статье рассмотрены биологические и социальные предпосылки книжной коммуникации, динамика развития классического Библиологоса и научно-педагогические основы формирования неклассического Библиологоса XXI в.

Библиологос – биологически и социально обусловленная разумная производительная сила, освоенная людьми в процессе гоминизации (очеловечивания). Предложено её функциональное определение.

Классическая Библиосфера – суперсистема книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая воспроизводство, сохранение и дальнейшее развитие национальной книжной культуры. Её структуру образуют социально-культурные институты (системы или отрасли книжного дела): издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Каждый институт включает практику, образование, науку, специальную коммуникацию, органы управления. Отраслевые проблемы библиосферы изучаются родственными, но относительно самостоятельными научно-практическими учениями (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология и др.), а общей проблематикой – комплексная наука о книге и книжном деле – книговедение, а также общая теория документа, или документология.

Подробно рассмотрено участие российского Библиологоса и библиотечной школы в реализации указов Президента В. В. Путина. Особое внимание обращено на европейский опыт моделирования человека нового типа, исторический проект «Память для будущего», киберсоциализацию общества будущего, актуальную проблематику неклассического библиотечно-информационного образования и синтез книжной культуры и цифровой культуры XXI в.

Ключевые слова: библиологос, библиосфера, библиотековедение, библиотечно-информационное образование, библиотечное дело, книговедение, книжная культура, педагогика, разум коллективный, Россия, указы Президента В. В. Путина, цифровая культура, человек нового типа.

Arkady V. Sokolov and Alexander S. Turgaev

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia

Bibliologos and library and information education

Abstract: In the Decree of the President V. V. Putin of July 21, 2020 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030", there are two national goals that are directly related to the book and library business: the education of a harmoniously developed and socially responsible personality and the implementation of digital transformation of key sectors of the economy and social spheres. The Russian Bibliologos (book mind) has been creatively and collectively created over millennia. Cognition of the essence of the Bibliologos is a priority task of book and library science and library and information education today. The article examines the biological and social prerequisites of book communication, the dynamics of the development of the classical Bibliologos and the scientific and pedagogical foundations of the formation of the non-classical Bibliologos of the XXI century.

The Bibliologos is understood as a biologically and socially determined intelligent productive force mastered by people in the process of hominization (humanization). The following functional definition is proposed: Bibliologos is the collective mind of a historically stable community of people who own the book culture, write and read books and are directly involved in the production of the bibliosphere. The Classical Bibliosphere is defined as a supersystem of book-communication systems that ensures the reproduction, preservation and further development of the national book culture. The structure of the bibliosphere is formed by socio-cultural institutions (systems, or branches of the book business), namely: publishing, printing industry, book trade, librarianship, bibliography. Each institute includes practice, education, science, special communication, management bodies. The branch problems of the bibliosphere are studied by related, but relatively independent, scientific and practical studies (bibliography, library science, records management, book history, bibliopolistics, editsiology, etc.), and bibliography is engaged in general problems – a complex science (or a complex of sciences) about books and books, as well as general document theory, or documentology. In addition to branch institutes, the bodies of the bibliosphere are: bibliophile socio-cultural movement; non-profit and commercial founders and voluntary associations; government authorities and censorship.

The participation of the Russian Bibliologists and the library school in the implementation of the human-creative project as a national target is envisaged. Particular attention is paid to the European experience of modeling a new type of person, the historical project "Memory for the Future", cyber-socialization of the society of the future, topical issues of non-classical library and information education and the synthesis of book culture and digital culture of the XXI century. It is concluded that national security and the well-being of future generations depend on the non-classical Bibliosphere, in particular on national libraries and school librarians.

Keywords: bibliologos, bibliosphere, library science, library and information education, librarianship, bibliography, book culture, pedagogy, collective mind, Russia, presidential decrees, digital culture, a person of a new type.

Указ Президента В. В. Путина от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» мы понимаем как стратегическую программу развития страны. Указом предусмотрены две национальные цели, имеющие, на наш взгляд, непосредственное отношение к книжно-библиотечному делу. Во-первых, «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»; во-вторых, цифровая трансформация на уровне цифровой зрелости «ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления». Провозглашенные цели необходимо осмыслить, так как они имеют основополагающее значение для определения перспектив книжно-библиотечной отрасли, в том числе и библиотечно-информационного образования.

Первая цель – *человекотворческая* – предполагает гуманистическое воспитание личности нового типа. Такая цель провозглашается впервые. В день своей инаугурации – 7 мая 2018 г. – вновь избранный Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором подчёркнуто: «Главным условием экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны является формирование

нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности».

О библиотеках не упоминалось, ведь общеизвестно, что гуманистическая идейность всегда присутствует в традиционной культурно-просветительной и нравственно-воспитательной работе с читателями общедоступных публичных, национальных, региональных библиотек и прежде всего – школьных и детских библиотек, играющих ключевую роль в библиотечной педагогике.

Вторая цель – *новаторская* – охватывает библиотеки всех типов, причём цифровизация технологических процессов особенно актуальна для научных и научно-технических библиотек, осуществляющих информационное обеспечение науки, техники и предпринимательства с использованием ресурсов искусственного интеллекта. Первая цель ориентирована на способности естественного разума человеческого общества, вторая предполагает обращение к искусственному интеллекту.

В результате возникает сложная мировоззренческая проблема: соотношение естественного разума человеческого социума, который древнегреческие философы именовали *Логосом*, и *электронной информационной системы* – продуктом техногенной цивилизации. В книжно-библиотечной отрасли возникла коллизия между книжной культурой, символом которой служит *Библиологос*, и цифровой культурой, символизируемой *Искусственным Интеллектом*.

Эту коллизию иллюстрирует «Манифест библиотек цифровой эпохи», провозглашённый в 2014 г. известным экспертом в области модернизации библиотечных технологий В. К. Степановым. В «Манифесте» говорится, что переход к цифровой системе коммуникаций «фактически выдавливает библиотеку в её традиционном виде из общественного производства, так как документальные массивы в цифровой форме имеют иные законы формирования, распространения, хранения и использования». Поэтому «цепляться за привычную, но объективно устаревающую печатную информационную инфраструктуру тщетно и абсолютно бесперспективно. Библиотеки обязаны отбросить заблуждения, преодолеть собственную косность и помножить накопленную профессиональную мудрость на мощь цифровых технологий. И именно нынешней генерации библиотекарей выпал шанс резко поднять авторитет библиотечной профессии или, наоборот, стать последним её поколением» [1. С. 15].

Если трансформацию понимать как «изменение формы», т.е. книга заменяется электронным файлом, а фонды национальных библиотек – сверхбольшим массивом данных (*Big Data*) с дистанционным доступом, то в будущем, по мнению В. К. Степанова, нас ожидает безбумажная цифровая цивилизация, которая не будет нуждаться ни в книгохранилищах, ни в библиотечно-информационных факультетах.

Библионигилист профессор В. К. Степанов не учитывает, что «выдавливание» традиционной книжной культуры цифровыми технологиями происходит на фоне больших перемен в социально-культурной эволюции человечества. Как показал исторический опыт Нового времени, колоссальный рост материальной, рациональной и энергетической мощи человечества не сопровождается ростом нравственности и гуманности. Человечество стало заложником адских орудий массового уничтожения, которые само же изобрело. Биологическому роду *homo sapiens* угрожает антропологический кризис, выражающийся в патологических мутациях генофонда вследствие ослабления естественного отбора. Глобальными становятся геополитические холодные и информационные войны и террористические атаки, а внутри цивилизованных стран нарастают духовная деградация населения, социальные деформации, беспредельное эгоистическое корыстолюбие и аморальное потребление.

О дегуманизации читателей свидетельствуют упадок книжного чтения и отток читателей из общедоступных библиотек; сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка (преобладание пошлой коммерческой культуры, постоянный рост цен на книги, вытеснение интеллектуальной литературы); кризис ретроспективного библиографического поиска, свёртывание библиотечных сетей, падение престижа библиотечной профессии, вытеснение книжной культуры цифровой. На форумах библиотечного сообщества бесконечно обсуждаются противоречия между техносферой и человеком, но о Библиологосе никогда не вспоминают.

«Библиологос» – неологизм, который отсутствует как в лексиконе современных наук, так и в обыденной речи. Его значение нетрудно расшифровать: «библио» ассоциируется с понятием *книга* в словах «библиотека», «библиография» и др., а древнегреческое слово «логос» напоминает нам о «логике», «разуме», «истине». Таким образом Библиологос – это «книжный разум», точнее – «книжная разновидность разума», т.е. «разум мира книг».

Обширное этимологическое исследование петербургского лингвиста профессора В. В. Колесова показало, что слово обыденного языка «логос» (λόγος – пишется со строчной буквы) в Древней Греции трактовалось как «счёт, расчёт, учёт», «отношение, соответствие», «основание, объяснение», «причина, повод», «словесное выражение», «доказательство, довод», «решение» и т.п. [2. С. 6].

Книги не всегда разумны, поэтому они не попали в объём понятия *логос*. Российские библиотеки официально к «логосу» отношения не имеют. В Федеральном законе «О библиотечном деле» (редакция от 02.07.2013 № 185-ФЗ) сказано однозначно: «библиотека – информационная, культурная, просветительская организация», а не «обитель книжного разума». Современная библиотечная школа не использует древнегреческое слово «логос», а классики библиотековедения и книговедения «логосом» никогда не интересовались. Напрашивается вывод, что Библиологос – это симулякр, т.е. «знак, обозначающий то, чего нет».

Однако философы в своих сочинениях не отказываются от понятия *Логос* (записывая его с заглавной буквы). Первооткрывателем считается Гераклит (VI век до н.э.), назвавший Логосом не простое высказывание, а «истинное рассуждение»; выраженный словами Смысл, управляющий миром. Античные философы, варьируя формулировки, трактовали Логос как первопричину мира, как основу основ, наиболее глубокие и существенные его закономерности. В философии Гегеля Логос – Абсолютное понятие.

В 1900 г. С. Н. Трубецкой (1862–1905) в докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» и других публикациях познакомил российских философов с различными античными школами и показал трансформацию древнегреческого Логоса в христианский [3]. Понятие *Логос* в христианстве определено первой фразой Евангелия от Иоанна:

«В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос был Бог»; вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «воплощение» Логоса [4]. Философы Серебряного века часто обращались к этому понятию. Современный культуролог В. А. Щученко убеждён, что христианский Логос «может и должен войти в теоретическое поле современной культурологии» [5. С. 86].

Выдающийся философ и филолог С. С. Аверинцев (1937–2004) в своём словаре «София – Логос» дал следующее толкование: «Логос – термин, означающий одновременно “слово” (или “предложение”, “высказывание”, “речь”) и “смысл” (или “понятие”, “суждение”, “основание”); при этом “слово” берётся не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и “смысл” понимается как нечто явленное, оформленное и постольку “словесное”. Логос – это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен “отдавать отчёт” и сама эта “отчитывающаяся” деятельность ума, и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; это противоположность всему безотчётному и бессловесному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке» [6. С. 277].

Профессор В. В. Колесов констатировал: «Гений Аристотеля подарил Европе ту великую догадку, что мысль и язык взаимосвязаны, что идея не может существовать без воплощения в слове, что логическое и языковое представляют собой две стороны одного листа, на котором и записаны знаки культуры. Разорвать их никак нельзя» [7 С. 20].

Итак, в произведениях письменности, в книжной коммуникации и культуре, искусственно созданных людьми, реализуется закон единства идеальной и материальной субстанций. В свете этого закона российский **Библиологос** выглядит как единство коллективно созданного *идеального* разума (рациональные знания о мире, менталитет, историческая память, морально-этические нормы) и *материального* его воплощения, включающего природные предпосылки и культурные изделия.

Российский Библиологос (книжный разум) творчески и коллективно создавался поколениями наших предков в течение тысячелетий. Мы не можем согласиться с изгнанием «книжного разума» из «оцифрованной» России и считаем, что познание сущности Библиологоса –

первоочередная задача книжно-библиотечной науки и библиотечно-информационного образования в наши дни.

В рамках одной журнальной статьи нельзя рассмотреть эту проблему, поэтому мы намерены остановиться только на биологических и социальных предпосылках книжной коммуникации, динамике развития классического Библиологоса и научно-педагогических основах формирования неклассического Библиологоса XXI в. Будем исходить из презумпции, что Библиологос не миф и не постмодернистский симулякр, а биологически и социально обусловленная разумная производительная сила, освоенная людьми в процессе гоминизации (очеловечивания).

Библиологос как коллективный разум и производительная сила

Проследим зарождение и динамику развития Библиологоса на примере эволюции культуры от палеолита до наших дней. Примем за основу периодизацию культурогенеза, обоснованную талантливым отечественным философом и культурологом А. А. Пелипенко (1960–2016) в его смыслогенетической модели истории, в которой фигурирует феномен Логоса [8. С. 590–700]. А. А. Пелипенко исходит из нейрологического факта: отличительной особенностью головного мозга является *церебральная (мозговая) асимметрия* – разделение мозга на правое и левое полушария (*cerebrum* – от лат. «мозг»).

Левое, более молодое, полушарие управляет лингвистическими, абстрактно-логическими и математическими программами, осуществляет операции по формализации и знакообразованию, а правое, древнее, отвечает за образно-сенсорные и интуитивно-подсознательные функции, организует пространственное восприятие и топографическую память. Следовательно, левое полушарие специализируется на вербально-символических функциях, а правое – на пространственно-синтетических. Таким образом, свойственная *homo sapiens* церебральная асимметрия выступает биологическим фактором культурной эволюции человечества.

Исходя из органической связи между культурной деятельностью и психофизиологическими параметрами человека, А. А. Пелипенко пришёл к выводу, что во всемирной истории полностью реализовались две культурные макросистемы (две эры человеческой культуры): древняя

мифоритуальная и современная логоцентрическая, а новейший постмодернизм XX столетия – переходный период к третьей, ноосферной культуре.

Мифоритуальная макросистема, совпадающая по длительности с каменным веком, отмечена безраздельным господством правополушарного архаического мышления и архаическим уровнем мышления. Его типичными свойствами являются: а) синкретичность, слияние индивида с окружающей средой, проявляющиеся в анимизме, населяющем природу демонами, божествами и духами; б) слияние индивида с родом-племенем, которое воплощается в тотемистической символике, нормах и ритуалах; в) предпочтение визуальных непосредственных изображений, а не словесных сообщений. Поэтому интеллект *архаика* (первобытного индивида) синкретичен и целостен, но слабо рефлексивен, эмоционально неустойчив, нечувствителен к логическим противоречиям, легко поддаётся манипуляциям и внушениям.

Ф. Х. Кессиди (1920–2009), первооткрыватель научной проблемы «От мифа к логосу», подытожил: «В мифе переплетаются вымысел, вера и знание... Миф не первоначальная форма науки или философии, а особый вид мироощущения, специфическое образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни» [9. С. 39–41].

О творческом потенциале правополушарного архаического мышления свидетельствует первобытное изобразительное искусство – пещерная живопись и резьба по кости. Эти произведения правдиво повествуют о думах, мечтах и заботах трудолюбивых и мужественных охотников на зубров, бизонов и мамонтов. По сути, палеолитическое искусство – это *эмпирическая дописьменная книжность*, документирующая первобытное мировоззрение.

С возникновением городов-государств потребовалась координация действий огромного числа людей. Последующее образование обширных империй, таких как Древний Египет или Вавилонское царство, было невозможным без письменности. Отсюда – острая потребность в документном коммуникационном канале, надёжно передающим смыслы в социальном времени и пространстве.

Древнейшими считаются изобретённые в III тыс. до н.э. древне-египетское иероглифическое письмо, шумерская клинопись, протоиндийская и крито-минойская письменность. С появлением письменности образуются социальные группы людей, занятых преимущественно умственным трудом и использующих письмо как профессиональный инструмент (жрецы, знахари, писцы, учителя и пр.). Школа стала форпостом письменности и обусловила стратификацию населения по принципу: грамотный – неграмотный. С письменностью зародились книжная коммуникация и библиосфера.

Эпилог мифоритуальной эры эволюции Логоса – революционный переворот всемирной истории, который философ-экзистенциалист Карл Ясперс (1883–1969) назвал *осевым временем человечества*: «Из тёмных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, возникают великие культуры древности. В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния с 800 до 200 г. до н.э., формируется духовная основа человечества, причём независимо друг от друга в трёх различных местах – в Европе, в Индии и в Китае» [10].

Осевая революция открыла путь для «бесконечного накопления знаний, и возникла новая профессия открывателей, накопителей и хранителей знания, как бы они ни назывались в том или ином обществе» [11]. Началось формирование социальных групп субъектов Библиологоса. Зарождение профессий библиотекаря, библиографа, книгоиздателя, музейного и архивного работников относится именно ко времени изобретения письма в древнейших цивилизациях (III тыс. до н.э.).

Первобытная мифология, нейрологически основанная на правополушарной асимметрии, в течение десятков тысяч лет успешно обеспечивала поддержание социального порядка, этический контроль и передачу заветных племенных традиций из поколения в поколение. Заметим, что архаическое мышление не отмерло вместе с каменным веком. В наши дни его носителями являются многие массовые аудитории и социальные группы, а мифологические символы присутствуют не только в первобытных, но и в более поздних логоцентрических культурах, особенно в литературе, искусстве и профессиональной мифологии. Распад мифоритуальной культуры, длящийся с конца II тыс. до н.э. по VII в. (зарождение ислама), завершился становлением *логоцентрической макросистемы*, в которой господствует левополушарное рацио-

нальное мышление. *Логоцентризм* заключается в почитании священного Логоса (Абсолюта, Бога) как творца *логосферы* – области бытия человеческой общины.

В литературе *логосфера* определяется как «философская категория, обозначающая мыслительно-речевую область культуры» [12] и трактуется как «концептуальная картина мира», «модель мира», «языковая картина мира» и т.п. Первооткрывателем логосферы является французский философ-постмодернист и семиотик Ролан Барт (1915–1980), показавший, что обращение к вербальному диалогу личности или социальной группы может служить ключом к пониманию их мировосприятия и склада мышления [13].

Развивая идеи Р. Барта и отечественных психолингвистов, Е. А. Петрова пришла к заключению, что «под логосферой подразумевается некая типичная для данной социально-культурной среды совокупность стереотипов мышления, проявляющаяся в способах аргументации, в умении строить и оценивать умозаключения. Таким образом, в логосфере складываются основы логического мышления, и формируется логическая культура человека» [14]. В логоцентризме образовался новый культурно-антропологический тип – *логоцентрик*. Для его рационального мышления характерны бинарные оппозиции: Добро и Зло, Истина и Ложь, Бог и Дьявол, Свет и Тьма, которые служат основой для этических оценок соотношения Должного и Сущего.

Логическая культура – необходимое условие коллективной умственной деятельности и формирования Библиологоса в исторически стабильном человеческом обществе. Согласно *социальной эпистемологии*, исследующей социальность и разумность в их единстве, такие сущностные черты человеческого общества, как коммуникация, естественные языки, мораль, религия, фольклор, деньги, государство, являются результатом коллективного творчества, направляемого коллективным разумом [15. С. 4].

В этот ряд творческих результатов коллективного разума правомерно включить и Библиологос, представляющий собой единство *духовных ценностей* (рациональные знания о мире, менталитет, историческая память, этические нормы Должного и Сущего) и их *материального* воплощения в виде институтов библиосферы. Таким образом, ло-

гоцентристское общество с его письменностью выступает *производительной силой* для Библиологоса, формирующего библиосферу.

В социальной философии производительные силы понимаются как «система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих взаимодействие между обществом и природой в процессе общественного производства» [16. С. 535]. Исходя из сказанного, можно принять следующее функциональное определение Библиологоса: коллективный разум исторически устойчивой общности людей, владеющих книжной культурой, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих в производстве библиосферы, создающей, хранящей и распространяющей произведения письменности и полиграфии.

Библиологос, отражённый в деловой письменности, образует идеальное содержание документов книжной культуры. Теоретик документологии Ю. Н. Столяров так раскрыл сущность документа: «Документ как социальный феномен представляет собой вершину человеческой мысли как в ноосферном, так и в материальном отношении, и именно документ представляет собой движущую силу цивилизационного прогресса» [17].

Это содержательное определение позволяет трактовать документацию, предназначенную для формирования библиосферы, как *продукцию Библиологоса*. Состав документации предопределяется структурой библиосферы. Соответственно, учредители библиотечных учреждений, включая законодательную и исполнительную власть всех уровней, издают и распространяют правовую и распорядительную документацию; научные работники пополняют фонды научной литературой, а педагоги — литературой; справочно-энциклопедические издания и библиографическая продукция образуют вторично-документальный раздел Библиологоса, являющийся инструментом библиографии.

Национальный Библиологос изменяется в историческом времени, и вместе с ним изменяется структура библиосферы. Очевидно, что конфигурация российской библиосферы в середине XVIII в. была иной, чем в конце Серебряного века. Чтобы представить оптимальную структуру библиосферы, целесообразно иметь в виду зрелую, точнее говоря, классическую систему, в полной мере раскрывшую свои потенции. Когда созрела отечественная классика? Согласно не количественным, а

качественным критериям, библиологическая классика возникла в России, когда библиотековедение стало наукой.

В статье авторитетного историка библиотековедческой мысли А. Н. Ванеева показано, что только в 1980 г. библиотековедение было официально признано общественной наукой, разрабатывающей теоретические основы общественного пользования произведениями печати и другими документами [18]. Именно в 1980-е гг., «эпоху зрелого социализма», советская книжно-библиотечная отрасль достигла расцвета.

Библиосфера, созданная классическим советским Библиологосом, представляет собой суперсистему книжно-коммуникационных систем, обеспечивающую воспроизводство, сохранение и дальнейшее развитие национальной книжной культуры. Структуру библиосферы образуют социально-культурные институты (системы, или отрасли книжного дела), а именно: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Каждый институт включает функциональные подсистемы: практику, образование, науку, специальную коммуникацию, органы управления. Отраслевые проблемы библиосферы изучаются родственными, но относительно самостоятельными научно-практическими учениями (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология и др.), а общей проблематикой занимается книговедение – комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле, а также общая теория документа, или документология.

Кроме отраслевых институтов, органами библиосферы являются: библиофильское социально-культурное движение; некоммерческие и коммерческие учредители и добровольные объединения; государственные органы управления и цензуры; технологические средства, в том числе: полиграфия, здания и оборудование, телекоммуникационная и компьютерная цифровая техника [19].

Данная библиосфера типична для промышленно развитых стран XX в., поэтому мы назвали её классической. В советское время она формировала культурно-антропологический тип, известный как «советский человек». Столетняя история библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры,

основанного в ноябре 1918 г. как отделение книжно-библиотечного дела Петроградского института внешкольного образования [20], показывает, что ресурсы библиосферы незаменимы для достижения национальной цели – воспитания «нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности». Отсюда актуальность трансформации классического библиотечного учебного заведения в «неклассическую библиотечную школу».

Трансформация библиотечной школы

Почему успешная реализация национальной цели невозможна без активного участия российского Библиологоса и библиотечной школы? Дело в том, что выращивание человека нового типа – задача не биологическая, не экономическая и не политическая. Её нельзя решить декретами власти. Ни Государственная Дума, ни Правительство Российской Федерации, ни Президент не могут сотворить своими директивами «желательную личность», хотя могут содействовать её появлению.

Типы личностей, сменявшие друг друга в процессе культурно-исторической эволюции, формировались следующими социально-коммуникационными институтами: церковь во всём многообразии конфессий, учений и сект; образование (все виды школьных и внешкольных образовательных учреждений); библиосфера (область книжной коммуникации, созданная Библиологосом). В XX в. добавилась информационная сфера – печатные и электронные издания, радиовещание, телевидение, интернет. Достаточно ли ресурсов классической библиосферы и идейного потенциала классического Библиологоса для того, чтобы соответствовать требованиям нынешней эпохи больших перемен? К счастью, имеются документальные свидетельства, позволяющие ответить на этот вопрос.

Подлинный памятник и путеводитель по классическому Библиологосу – беспрецедентный библиотечно-педагогический проект по изданию серии фундаментальных учебников для бакалавров, который в 2013 г. инициировал Учебно-методический совет по библиотечно-информационному образованию (председатель – В. К. Клюев), объединяющий ведущих педагогов библиотечно-информационной школы России. Полиграфической базой стало петербургское издательство

«Профессия». Самоотверженно и компетентно выполнили свою работу ответственный редактор серии Г. В. Михеева и выпускающий редактор Т. В. Захарчук.

В 2014–2017 гг. удалось издать 12 томов, охвативших всю научно-практическую тематику классической библиосферы, в том числе: «Библиографоведение», «Библиотековедение», «Библиотечный фонд» «Библиотечно-информационное обслуживание», «Аналитико-синтетическая переработка информации», «Справочно-поисковый аппарат библиотеки», «Отраслевые информационные ресурсы», «Социальные коммуникации», «Маркетинг библиотечно-информационной деятельности», «Документоведение» (в двух частях), «Лингвистические средства библиотечных и информационных технологий». В подготовке линейки учебников (подача материала, оформление издания и рекомендательный гриф были едины) участвовали практически все ведущие вузовские преподаватели и авторитетные практики библиотечного дела [21].

Субъектами классической библиосферы являются: профессиональные практики и теоретики книжного и библиотечно-библиографического дела, инженерно-технический персонал, писатели и журналисты, библиофилы-книголюбы, государственные служащие и коммерсанты книжного рынка. Большинство работников библиосферы нуждаются в стандартной отраслевой подготовке в области книгоиздания, библиотечного дела, библиографии, книжной торговли. Для них учебники библиотечной школы, обобщающие опыт прошлых десятилетий, – незаменимое и необходимое пособие.

Миссия библиотек в традиционных учебниках понимается технологично: формирование библиотечного фонда, соответствующего интересам пользователей; организация библиотечного обслуживания; информирование и предоставление образовательных и культурно-досуговых услуг; активизация общественной и культурной жизни всех слоёв населения. По объективным и понятным причинам не рассматриваются актуальные для современной России национальные цели, названные в указах В. В. Путина: человекотворчество и цифровизация библиосферы. Эти проблемы связаны с неклассическим Библиологом, становление которого хаотично происходит в наши дни (хаос

больших перемен не может не коснуться библиотечно-информационного образования). Осмысление неклассического Библиологоса – это вызов российской библиотечной школе, требующий мобилизации коллективного разума педагогов и учёных. Мы затронем только некоторые, но принципиально важные вопросы.

1. *Опыт моделирования человека нового типа.* В мифоритуальную эру проблема моделирования человека «по образу и подобию Божию» безальтернативно решалась религией. Но логоцентрический разум не довольствовался простодушной верой. В противоположность теоцентризму Средневековья ренессансный гуманизм утверждал *антропоцентризм* – верховенство во Вселенной человека, обладающего, подобно Богу, неограниченными творческими способностями. Идеалы антропоцентризма воплотились в двух культурно-антропологических моделях: **человек разумный** и **человек экономический**.

Идея «человека разумного» принадлежит французским просветителям XVIII в. Его словесный портрет описан в статье Вольтера «Литератор», опубликованной в 1754 г. (7-й том «Энциклопедии, или Толкового словаря искусств, наук и ремёсел» под редакцией Дени Дидро (1713–1784)).

Возможно, именно Дидро послужил прототипом вольтеровского героя. Вот фрагмент статьи: «Одно из огромных преимуществ нашего века – множество образованных людей, легко переходящих от шипов математики к цветам поэзии и одинаково хорошо судящих и о книге, посвящённой метафизике, и о театральной пьесе; этим они превосходят образованных людей предыдущих столетий. Глубокий и утончённый интеллект многих из них, интеллект, коим пропитаны их сочинения и беседы, во многом способствует образованию и просвещению нации; подкреплённая здоровой философией, их критика разрушила все предубеждения, которыми было заражено общество» [22].

Обобщая сказанное, получаем формулу просветительского гуманизма: доминирующая универсалия разума, гуманистическая категория альтруизма и гуманистическая категория ненасилия. Правда, в XIX в. европейская образованная публика олицетворением разума сочла позитивистов и марксистов, а не просвещённых литераторов.

«Человека экономического» в виде эгоиста-предпринимателя впервые описал Адам Смит (1723–1790) в книге «Исследование о

природе и причинах богатства народов» (1776). Макс Вебер (1864–1920) в книге «Протестантская этика и дух капитализма» продолжил галерею героев экономики. С лёгкой руки Освальда Шпенглера (1880–1936) получила распространение мифологема *фаустовского человека*, символизирующего западноевропейскую культуру, перерождающуюся в техногенную цивилизацию [23].

В XX в. апологеты меритократического креативного класса [24] восславили разумного *интеллектуала*, который руководствуется принципами: здоровый скептицизм, здравый смысл и трезвый расчёт, а не милосердие, жалость, сочувствие, противоречащие интересам дела; целенаправленное приобретение знаний и постоянное повышение своей квалификации; чувство независимости и самодостаточности, гарантированное личными достоинствами и талантами. Практически полное воплощение либеральной Библиологос нашёл в сочинениях Исаяи Берлина (1909–1997) [25].

На базе логоцентризма западные европейцы сумели создать техногенную цивилизацию, ориентированную на личность, – западноевропейский *Модерн*. В эту эпоху (XVIII–XIX вв.) левополушарное доминирование достигло своего пика. В XX в., особенно во второй половине, разразился кризис левополушарного рационализма, который охватил философию и науку, искусство и технику, политику и религию. Путь к преодолению кризиса А. А. Пелипенко увидел в «правополушарном реванше», когда на смену «людям Слова» придут «люди Цифры», а развитие нанотехнологий обеспечит «посткультурное существование нового антропологического типа, уже не вполне человека» [26. С. 700].

В XIX в. классический Библиологос воспитывал просветителей-разночинцев, советская библиотечная школа готовила воинов культурной революции, а постсоветский университет – информационных менеджеров. Хотелось бы, чтобы «люди Цифры» воплотили культурно-антропологическую модель «нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности» или, допустим, гуманистическую модель «человека разумного». Трудно сказать, способен ли неклассический Библиологос выступить соответствующей производительной силой.

2. *Историческая память в неклассическом Библиологосе* должна занимать центральное и почётное место. Проницательный культуролог А. А. Пелипенко пришёл к выводу, что «уставшая постиндустриальная цивилизация живёт в нервном ожидании системного кризиса, когда ставится под сомнение само существование цивилизации в обозримом будущем и с особой остротой встают вопросы: насколько наше настоящее и будущее определяются историческим прошлым, насколько человек и человечество в целом зависимы от своего предшествующего культурно-исторического опыта?» [27. С. 8]. Наверное, неклассический Библиологос должен знать ответ на этот вопрос.

Известный исследователь мировой философии, литературы и культуры К. Г. Исупов опубликовал глобальный проект «Память для будущего», нацеленный на тотальное сохранение национальных и общечеловеческих памятников культуры (тексты, описания, модели, чертежи и т.д.). Мировая память, аккумулированная проектом, должна контролировать всю информацию, запечатлённую в текстах, и с помощью искусственного интеллекта создать глобальное пространство самоорганизующихся знаний, моделирующее ноосферу в полном объёме, без цензурных изъятий.

По словам К. Г. Исупова, реализация проекта может стать акцией всеобщего самосознания человечества, ценностным итогом его исторического пути, собиранием исторической совести человечества. Завершается проект теологическим аргументом: «исполнится богочеловеческая задача возрастания гениальности и спасительного просветления лика человека как богоподобной твари» [28. С. 232–240].

3. *Киберсоциализация и сингулярность*. Представитель российской школы социальной педагогики и психологии В. А. Плешаков, главный редактор электронного научно-публицистического журнала «*Ното Cyberus*», исходя из того, что «человечество сегодня эволюционирует по пути информатизации, интернетизации, гаджетизации», пришёл к выводу: «Мы становимся другими, по сравнению с нашими предками: наш мозг работает по-другому, трансформируются наша психика, сознание и мировоззрение, когнитивные способности, меняются наши потребности, мотивы и средства деятельности, наконец, поведение. Наступила эра *киберсоциализации человека* – социализации личности в киберпространстве, т.е. символично-знаковой реальности, представленной сетью Интернет и пространством мобильных технологий сотовой связи» [29].

Киберсоциализацию В. А. Плешаков определяет как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящих в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [30]. Таким образом, обнаруживается «человек кибернетический», который обречён существовать на стыке двух реальностей – киберпространства (виртуальной реальности) и классической предметной действительности (социальной реальности), оперативно переключаясь между ними.

Проблема киберсоциализации связана с *технологической сингулярностью* – периодом, «в ходе которого технологические перемены станут настолько стремительными, а их влияние – настолько глубоким, что человеческая жизнь необратимо изменится. Эта эпоха изменит концепции, придающие сегодня нашей жизни смысл, от бизнес-моделей до цикла человеческой жизни, включая саму смерть» [31].

В научном сообществе США сформировалось движение «позитивной сингулярности», лидером которого является изобретатель и футуролог Рэймонд Курцвейл (род. 1948). В своих книгах-бестселлерах «Эпоха мыслящих машин» (1990), «Эпоха духовных машин» (1999), «Сингулярность уже близко» (2005), «Как создать разум» (2012), многочисленных статьях и выступлениях он обосновывает приближение технологической сингулярности, основанной на сверхмощном искусственном интеллекте (превосходящем человеческий) и киборгизации людей, радикально продлевающей их жизнь. Р. Курцвейл ставит задачу «перепрограммировать» жизнь, добавлять новые гены и выключать ненужные, создавать органы с помощью стволовых клеток. В интервью 2013 г. он поделился идеей «постчеловека», у которого будет *небиологическое тело*. С помощью нанотехнологий, «постлюди» смогут создавать виртуальные тела и виртуальную реальность, которые будут настолько же детальны и убедительны, как настоящие. Оптимисты-сингуляритарии верят, что конвергенция технологий приведёт к разрешению глобальных проблем и избавит человечество от болезней, эпидемий, старения, гарантирует вечную молодость и даже бессмертие.

Оптимизм Р. Курцвейла и других киберсоциологов разделяется далеко не всеми классическими футурологами. Есть скептики, утверждающие, что искусственный интеллект может стать для человечества ещё более страшной угрозой, чем ядерное оружие. Они предостерегают: наивно надеяться, что машина, которая в сотню или тысячу раз умнее нас, будет любить нас или захочет защитить; машины аморальны, и думать иначе опасно. Есть риск, что в погоне за искусственным сверхинтеллектом неосмотрительные исследователи получат разум более мощный, нежели их собственный, который они не смогут ни контролировать, ни даже до конца понять.

Таким образом, классический Библиологос техногенной цивилизации XX в. предсказывает три сценария киберсоциализации: первый – экзотический, но маловероятный: машинный суперинтеллект послушно служит биологическому человеческому интеллекту; второй – катастрофический, но вероятный: машинная техносфера господствует над биосферой; третий – гуманистический, хотя и трудно реализуемый: человек превращает планету Земля в ноосферу. Неклассический Библиологос должен подсказать человечеству, как избежать классического «горя от ума» и создать ноосферную Библиосферу. Неклассический библиотечно-информационный факультет может сыграть важную роль в реализации оптимального футурологического сценария.

4. *Факультет неклассического Библиологоса* должен разрешить антиномию между прошлым и будущим. С одной стороны, он выступает хранителем исторической памяти (см. «Память для будущего»), с другой – является творцом новых духовных ценностей (знаний, принципов, технологий), обогащающих неклассический Библиологос. Новые духовные смыслы формируются постепенно в сознании современников, поэтому их можно заметить в классическом Библиологосе и учитывать в текущем научном и педагогическом процессе.

Как правило, нетрадиционные новации представляют собой не продолжение (пролонгацию) известного течения мысли, а синтез порой неожиданных и противоречивых взглядов, убеждений, верований, завоёвывающих со временем признание общества и трансформирующих структуру образования. В межнаучном синтезе важную роль играет *синергетика* – «мост между естественно-научной и гуманитарной культурами, а также язык, на котором естественники, гуманитарии, ма-

тематики могут обсуждать свои проблемы, понимая друг друга и обогащая друг друга своими идеями и моделями» [32].

Научное творчество профессора В. П. Леонова демонстрирует синергетический синтез. Исследуя поэтику библиографии [33] и библиографическое мышление как специфический процесс [34], он дополнил классические филологические подходы библиографоведения и книговедения достижениями психологии, социологии, философии, науковедения и музыкального искусства. Особенно интересны и нетрадиционны его разработки «дальнего чтения», адресованные не только библиографам, но и филологам, нейробиологам, историкам, искусствоведам.

В. П. Леонов призывает коллег не только аналитически читать, но и по-новому смотреть на статистическое распределение больших массивов библиографических данных. Высказанная им идея точного библиографоведения, предоставляющего универсальное знание о библиографии [35], выходит далеко за привычную тематику библиотечно-информационного образования.

Другим автором синергетических курсов, так сказать, визит-профессором неклассического факультета, может стать Н. В. Лопатина: она изучает библиосоциологическую проблему определения места библиотечных специалистов в профессиональной структуре информационного общества [37]. Актуальность библиосоциологии обусловлена тем, что при капитализме технологическое развитие неизбежно приводит к росту неравенства, а затем большинство людей становятся не нужны.

Уместно вспомнить прогноз «отца кибернетики» Норберта Винера (1894–1964), сделанный в середине прошлого века: «Современная промышленная революция должна обесценить человеческий мозг. Средний человек со средними способностями не сможет предложить для продажи ничего, за что стоило бы платить деньги. Выход один – построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи» [38]. Прогноз мудрого кибернетика сбылся. Сегодня в сельском хозяйстве постмодерного общества заняты 2% населения; 10% работают в промышленности, 13% – в управлении. Остальные 75% общественному производству не нужны. Проблема в том, что общество не знает, чем занять безработных, даже при наличии достаточных средств на их содержание. Компьютеры для большинства граждан

становятся «убийцами свободного времени», а вдумчивое чтение книг практикуется всё реже.

Перед образовательно-педагогической системой стоит фундаментальная задача – обеспечить разумную киберсоциализацию подрастающего поколения с детских лет и далее в течение всей жизни. Речь идёт не только о навыках владения современными информационно-коммуникационными технологиями и компьютерной техникой, но и об изменении духовно-культурных структур, нравственном и мировоззренческом воспитании. Нейрофизиологи и психологи заявляют, что компьютеры и смартфоны изменяют структуру мозга, снижают качество мышления, а социальные сети и компьютерные игры развивают эгоизм, агрессивность, нарциссизм. Отсюда когорты троллей, террористов, хамов и невежд, хозяйничающих на сайтах, в социальных сетях, онлайн-сетевой литературе и искусстве. Мы надеемся, что на постклассических библиотечно-информационных факультетах России по программе Н. В. Лопатиной будут готовиться не *homo informaticus*, страдающие клиповым мышлением, а интеллигенты-книжники, обладающие гуманистическим мышлением логоцентрической личности.

В XXI в. ожидаются кардинальные изменения в бизнесе, материальном производстве и социальной сфере, благодаря внедрению таких технологий нового поколения, как робототехника, искусственный интеллект, интернет вещей, облачные вычисления, цифровое моделирование и другие новации. В России ускоренное внедрение цифровых информационно-коммуникационных технологий является приоритетной государственной задачей. Проблемы цифровой экономики обстоятельно и доходчиво рассмотрены в докладе специалистов Высшей школы экономики [39] и в трудах академика С. Ю. Глазьева [40].

Несомненно, в учебно-воспитательном процессе грядущих неклассических библиотечно-информационных факультетов возникнет потребность в синтезе книжной и цифровой культуры. В наши дни он воплощается в многогранной организационно-практической и научно-педагогической деятельности доктора техн. наук, профессора Я. Л. Шрайберга, много лет возглавлявшего ГПНТБ России, а сейчас – её начального руководителя; бессменного председателя организационного комитета международных профессиональных конференций «Крым»

и «LIBCOM», президента Международной ассоциации пользователей и разработчиков электронных библиотек и новых информационных технологий, члена-корреспондента Российской академии образования, основателя кафедры электронных библиотек и информатизации культуры в МГИК, заведующего кафедрой электронных библиотек и наукометрических исследований Московского государственного лингвистического университета, президента Национальной библиотечной ассоциации «Библиотеки будущего».

Я. Л. Шрайберг – авторитетный специалист в области практической разработки и развития автоматизированных библиотечно-информационных систем и внедрения цифровых информационных технологий в библиотечное дело России. Под его руководством была разработана Система автоматизации библиотек ИРБИС, которая в настоящее время эксплуатируется более чем в 2 500 учреждениях РФ и других стран СНГ. Научно-педагогическая школа Я. Л. Шрайберга по профилю «Информатизация библиотечно-информационной сферы» является ведущей в библиотечно-информационном образовании нашей страны. На счету руководителя школы в настоящее время более 500 научных работ, в том числе около 50 монографий, учебников и учебных пособий.

Различные аспекты библиотечной цифровизации обстоятельно рассмотрены в докладе Я. Л. Шрайберга [42], который можно назвать «экскурсом в постсовременную библиотеку». Задаваясь вопросом, как будут выглядеть библиотеки в ближайшем будущем, автор раскрывает принципы синтезирования книжной культуры и цифровой культуры в эпоху постмодерна: «Квалифицированного пользователя должен встретить квалифицированный библиотекарь, поэтому сегодня, как никогда ранее, растут требования к качеству библиотечного образования» [Там же. С. 22]; «примем как данность, что книга – основа нашего воспитания, образования, фундамент нашей культуры» [Там же. С. 24]. В заключение подчёркнуто, что библиотека будущего – неотъемлемая часть глобальной цифровой культуры.

Добавим, что в неклассической библиотечно-информационной школе желательно не забывать, что цифровизация, вытесняя живую коммуникацию, увлекает человека в виртуальную реальность, где утрачивается мудрость, содержащаяся в геноме живого человека. Важно

также помнить, что экономическая и военная мощь державы определяется человеческим капиталом, что национальная безопасность и благополучие будущих поколений зависят от национальных библиотек и школьных библиотекарей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Манифест** библиотек цифровой эпохи. – Режим доступа: <http://www.calameo.com/read/003454783b7da70f379>.
2. **Колесов В. В.** Тезисы о ментальности // Учён. записки Казан. гос. ун-та. – Гуманитар. науки. – Т. 148. – Кн. 2. – 2006. – С. 5–13.
3. **Трубецкой С. Н.** Курс истории древней философии. – Москва : ВЛАДОС ; Русский Двор, 1997. – 576 с.
4. **Василенко Л. И.** Краткий религиозно-философский словарь. – Москва : Истина и Жизнь, 1998. – С. 104–105.
5. **Щученко В. А.** Христианский Логос и логика культуры // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. – Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – Вып. 2. – С. 73–87.
6. **Аверинцев С. С.** Собрание сочинений. София – Логос: слов. – Киев : Дух и Литера, 2006. – 912 с.
7. **Колесов В. В.** Концептология: конспект лек. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2012. – 168 с.
8. **Пелипенко А. А.** Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. – Москва : Изд-во «Согласие» ; Изд-во «Артём», 2014. – 728 с.
9. **Кессиди Ф. Х.** От мифа к логосу: становление греческой философии. – Москва : Мысль, 1972. – 312 с.
10. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории / пер. с нем. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 51–52.
11. **История Востока.** – Т. 1. Восток в древности. – Москва : Восточная литература, 1997. – С. 15.
12. **Современный философский словарь** / под ред. В. Е. Кемерова. – Москва : Академический проект, 2004. – С. 367–368.
13. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

14. **Петрова Е. А.** Концепция логосферы: определение и проблемы структуризации // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – Языкознание и литературоведение. – 2014. – № 5. – С. 133–137.
15. **Ивин А. А.** Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. – Москва : Проспект, 2017. – 352 с.
16. **Философский** энциклопедический словарь. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – С. 535.
17. **Столяров Ю. Н.** Вначале был документ... (Документские фуракации – движущая сила истории) / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2013. – № 10. – С. 77–88.
18. **Ванеев А. Н.** Когда в России библиотековедение стало наукой? // Библиосфера. – 2016. – № 3. – С. 75–79.
19. **Соколов А. В.** Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. – Москва : РШБА, 2016. – С. 207–209.
20. **Сто** лет служения культуре: очерки истории Санкт-Петербургского государственного института культуры / под общ. ред. А. С. Тургаева. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 2018. – 184 с.
21. **Клюев В. К.** Библиотечное образование: мы идём своим путём // Унив. кн. – 2017. – Июнь. – С. 76–80.
22. **Философия** в Энциклопедии Дидро и Даламбера. – Москва : Наука, 1994. – С. 331.
23. **Шпенглер О.** Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 1. Гештальт и действительность. – Москва : Мысль, 1993. – 663 с.
24. **Флорида Р.** Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Москва : Изд. дом «Классика-XXI», 2011. – 432 с.
25. **Берлин И.** Философия свободы. Европа. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 448 с.
26. **Пелипенко А. А.** Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. – Москва : Изд-во «Согласие» ; Изд-во «Артём», 2014. – 728 с.
27. **Пелипенко А. А.** Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. – Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. – 384 с.
28. **Исупов К. Г.** Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2010. – 592 с.
29. **Плешаков В. А.** Жизнь и деятельность человека в эпоху киберсоциализации // Ното Cyberus. – 2018. – № 1. – С. 5–6.
30. **Плешаков В. А.** Киберсоциализация человека: от Ното Sapiens до Ното Cyberus: моногр. – Москва : Прометей, 2012. – С. 21.
31. **Баррат Дж.** Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Ното sapiens. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. – С. 149.

32. **Контуры** цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. В. В. Иванова, Г. Г. Малинецкого, С. Н. Сиренко. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – 344 с.
33. **Леонов В. П.** Очерк эволюции поэтики библиографии. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2017. – 228 с.
34. **Леонов В. П.** Библиографическое мышление как процесс // Библиогр. и книговедение. – 2017. – № 6. – С. 43–48.
35. **Леонов В. П.** Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения / В. П. Леонов // Науч. и техн. б-ки. – 2019. – № 10. – С. 56–67.
36. **Леонов В. П.** Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиогр. и книговедение. – 2020. – № 1. – С. 77–83.
37. **Лопатина Н. В.** Библиотечный специалист в профессиональной структуре информационного общества // Вестн. МГУКИ. – 2014. – № 1. – С. 160–166.
38. **Винер Н.** Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – Москва : Сов. Радио, 1958. – С. 43–44.
39. **Что** такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерения. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.
40. **Глазьев С. Ю.** Экономика будущего. Есть ли у России шанс? Москва : Книжный мир, 2017. – 640 с.
41. **Глазьев С. Ю.** Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. – Москва : Книжный мир, 2017. – 352 с.
42. **Шрайберг Я. Л.** Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества. Ежегод. докл. Пятого Междунар. проф. форума «Крым–2019» / Я. Л. Шрайберг // Науч. и техн. б-ки. – 2019. – № 9. – С. 3–55.

REFERENCES

1. **Manifest** bibliotek tsifrovoy epohi. – URL: <http://www.calameo.com/read/003454783b7da70f379>.
2. **Kolesov V. V.** Tezisy o mentalnosti // Uchenye zapiski Kazanskogo gos. un-ta. – Gumanitarnye nauki. – Т. 148. – Кн. 2. – 2006. – С. 5–13.
3. **Trubetskoj S. N.** Kurs istorii drevney filosofii. – Moskva : VLADOS ; Russkiy Dvor, 1997. – 576 s.
4. **Vasilenko L. I.** Kratkiy religiozno-filosofskiy slovar. – Moskva : Istina i Zhizn, 1998. – С. 104–105.

5. **Shchuchenko V. A.** Hristianskiy Logos i logika kultury // Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. – Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kulturologiya. Religiovedenie. – 2016. – Vyp. 2. – S. 73–87.
6. **Averintsev S. S.** Sbranie sochineniy. Sophia – Logos. Slovar. – Kiev : Duh i Lettera, 2006. – 912 s.
7. **Kolesov V. V.** Kontseptologiya. Kopekt leksiy. – Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU, 2012. – 168 s.
8. **Pelipenko A. A.** Izbrannye raboty po teorii kultury. Kultura i smysl. – Moskva : Izd-vo «Soglasie» ; Izd-vo «Artem», 2014. – 728 s.
9. **Kessidi F. H.** Ot mifa k logosu: stanovlenie grecheskoy filosofii. – Moskva : Mysl, 1972. – 312 s.
10. **Yaspers K.** Smysl i naznachenie istorii: Per. s nem. Moskva : Politizdat, 1991. – S. 51–52.
11. **Istoriya Vostoka.** – T. 1. Vostok v drevnosti. – Moskva : Vostochnaya literatura, 1997. – S. 15.
12. **Sovremennyy filosofskiy slovar** / pod red. V. E. Kemerova. – Moskva : Akademicheskii proekt, 2004. – S. 367–368.
13. **Bart R.** Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. – Moskva : Progress, 1989. – 616 s.
14. **Petrova E. A.** Kontsepsiya logosfery: opredelenie i problemy strukturatsii // Vestn. Surgutskogo gos. ped. un-ta. – Yazykoznanie i literaturovedenie. – 2014. – № 5. – S. 133–137.
15. **Ivin A. A.** Sotsialnaya epistemologiya. Chelovecheskoe poznanie v sotsialnom izmerenii. – Moskva : Prospekt, 2017. – 352 s.
16. **Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar.** – Moskva : Sov. entsiklopediya, 1983. – S. 535.
17. **Stolyarov Yu. N.** Vnachale byl dokument... (Dokumentskie furkatsii – dvizhushchaya sila istorii) / Yu. N. Stolyarov // Nauch. i tehn. b-ki. – 2013. – № 10. – S. 77–88.
18. **Vaneev A. N.** Kogda v Rossii bibliotekovedenie stalo naukoj? // Bibliosfera. – 2016. – № 3. – S. 75–79.
19. **Sokolov A. V.** Bibliosfera i infosfera v kulturnom prostranstve Rossii. – Moskva: RshBA, 2016. – S. 207–209.
20. **Sto let sluzheniya kulture: ocherki istorii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury** / pod obsh. red. A. S. Turgaeva. – Sankt-Peterburg : SPbGIK, 2018. – 184 s.
21. **Klyuev V. K.** Bibliotechnoe obrazovanie: my idem svoim putem // Univ. kn. – 2017. – Iyun. – S. 76–80.
22. **Filosofiya** v Entsiklopedii Didro i Dalamberta. – Moskva : Nauka, 1994. – S. 331.

23. **Shpengler O.** Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. – T. 1. Geshtalt i deystvitelnost. – Moskva : Mysl, 1993. – 663 s.
24. **Florida R.** Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. Moskva : Izd. dom «Klassika-XXI», 2011. – 432 s.
25. **Berlin I.** Filosofiya svobody. Evropa. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 448 s.
26. **Pelipenko A. A.** Izbrannyye raboty po teorii kultury. Kultura i smysl. – Moskva : Izd-vo «Soglasie» ; Izd-vo «Artem», 2014. – 728 s.
27. **Pelipenko A. A.** Dualisticheskaya revolyutsiya i smyslogenez v istorii. – Moskva : Knizhnyy dom LIBROKOM, 2011. – 384 s.
28. **Isupov K. G.** Sudby klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kultura Serebryanogo veka. – Sankt-Peterburg : Russkaya hristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2010. – 592 s.
29. **Pleshakov V. A.** Zhizn i deyatelnost cheloveka v epohu kibersotsializatsii // Homo Cyberus. – 2018. – № 1. – S. 5–6.
30. **Pleshakov V. A.** Kibersotsializatsiya cheloveka: ot Homo Sapiens do Homo Cyberus: monogr. – Moskva : Prometej, 2012. – S. 21.
31. **Barrat Dzh.** Poslednee izobretenie chelovechestva: Iskusstvennyy intellekt i konets ery Homo sapiens. – Moskva : Alpina non-fikshn, 2015. – S. 149.
32. **Kontury** tsifrovoy realnosti: Gumanitarno-tehnologicheskaya revolyutsiya i vybor budushchego / pod red. V. V. Ivanova, G. G. Malinetskogo, S. N. Sirenko. – Moskva : LENAND, 2018. – 344 s.
33. **Leonov V. P.** Ocherk evolyutsii poetiki bibliografii. – Sankt-Peterburg : Evropeyskiy dom, 2017. – 228 s.
34. **Leonov V. P.** Bibliograficheskoe myshlenie kak protsess // Bibliografiya i knigovedenie. – 2017. – № 6. – S. 43–48.
35. **Leonov V. P.** Dalnee chtenie kak strategiya tochnogo bibliografovedeniya // Nauch. i tehn. b-ki. – 2019. – № 10. – S. 56–67.
36. **Leonov V. P.** Vavilonskaya biblioteka v kontekste dalnego chteniya // Bibliografiya i knigovedenie. – 2020. – № 1. – S. 77–83.
37. **Lopatina N. V.** Biblioteknyy spetsialist v professionalnoy strukture informatsionnogo obshchestva // Vestn. MGUKI. – 2014. – № 1. – S. 160–166.
38. **Viner N.** Kibernetika ili upravlenie i svyaz v zhivotnom i mashine. – Moskva : Sov. Radio, 1958. – S. 43–44.
39. **Chto** takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmereniya. – Moskva : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. – 82 s.
40. **Glazev S. Yu.** Ekonomika budushchego. Est li u Rossii shans? – Moskva : Knizhnyy mir, 2017. – 640 s.

41. **Glazev S. Yu.** Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya – SSHA – Keitay. Sem variantov obozrimogo budushchego. – Moskva : Knizhnyy mir, 2017. – 352 s.

42. **Shrayberg Ya. L.** Informatsionno-dokumentnoe prostranstvo obrazovaniya, nauki i kultury v sovremennykh usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva. Ezheg. dokl. Pyatogo Mezhdunar. prof. foruma «Crimea–2019» / Я. Л. Шрайберг // Nauch. i tehn. b-ki. – 2019. – № 9. – S. 3–55.

Информация об авторах / Information about the authors

Соколов Аркадий Васильевич – доктор пед. наук, профессор, профессор кафедры информационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург, Россия

sokolov1.spb@gmail.com

Тургаев Александр Сергеевич – доктор ист. наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербург, Россия

rector@spbgik.ru

Arkady V. Sokolov – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Information Management Department, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia

sokolov1.spb@gmail.com

Alexander S. Turgaev – Dr. Sc. (History), Professor, Rector, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia

rector@spbgik.ru